
ФИЛОСОФИЯ ЗА РУБЕЖОМ

Ж. П. КОТТЕН

ХАЙДЕГГЕР И ПОЛИТИКА*

(публикуется с незначительными сокращениями)

Наш вопрос имеет два аспекта. Во-первых, каково соотношение между философией Хайдеггера и реальной политической практикой гитлеровского фашизма? Во-вторых, как вписывается *философия* Хайдеггера в идеализм (если учесть, что в настоящее время в марксизме выяснен вопрос об идеализме и его исторических разновидностях, о материализме и идеализме, об их борьбе)? Положительный ответ на этот вопрос означал бы, может быть, непонимание ни марксизма, ни ленинизма, ни, в конце концов, термина «марксизм-ленинизм». Если ограничиться только одним из этих вопросов, то это означало бы в одном и том же тексте видеть только один философский смысл как своего рода *маску* реальной политической практики. И тем самым неявно довольствоваться просто-напросто сведением позиции философа Хайдеггера к гегелевской *системе*. Это привело бы к игнорированию того разнообразия институциональных позиций, которые занимал философ. Это означало бы также отрицание автономии философии, хотя она обладает относительной самостоятельностью.

Все эти вопросы надо иметь в виду, когда выясняется место Хайдеггера в фашистской Германии. Но мы можем смело сказать, что различные интерпретации философии Хайдеггера никогда не учитывали все эти аспекты: одни, настаивая на специфике его творчества, отрицают место, которое оно занимает в историческом контексте. Другие, напротив, помещают его творчество в исторический контекст (не предлагая никакого научного анализа: например, рассуждения Вейля и Лёвита по поводу фашизма не имеют такого значения, как известное определение фашизма, данное Г. Димитро-

---

* Перевод с фр. Н. Б. Зазаевой.

вым) только потому, что якобы еще интересуются Хайдеггером: он создал *философию*, от которой сегодня сам бы отказался.

До ректорства при нацистах

Отсылая читателя к первым двум главам, здесь можно ограничиться только одним замечанием: до своего ректорства при нацистах Хайдеггер «не занимался политикой», если под политикой подразумевать членство в партии или занятие официальной должности в органах власти. Он был просто профессором университета. Конечно, должность профессора принципиально отличалась от той, которую он позже будет занимать, правда на короткое время, в своей публичной карьере, – от должности ректора. Статус профессора не есть статус ректора не только в фашистской Германии, но и в Веймарской республике и даже в современной Франции. При этом если даже профессором Хайдеггер был утвержден государственными органами, если даже эти органы представлял *социалистический* министр, предложивший ему кафедру в Берлинском университете, от которой он отказался, пожелав остаться в провинции, чтобы не затеряться в большом городе.

По словам П. Тротиньона, чтобы понять Хайдеггера, «необходимо обратиться ко всей истории немецких университетов 1848–1933 гг., ко всей истории их отказа от демократии». Мы этому охотно верим. Но у нас нет ни места, ни достаточной компетенции для описания этой истории. Легко можно допустить, что профессор Хайдеггер не придерживался либеральных взглядов интеллектуальной буржуазии своей эпохи. Но это нас несколько не продвинет в нашем исследовании. Самое большее, что можно сделать в этом направлении, так это провести ретроспективный анализ его высказываний из инаугурационной речи о природе университетов, которая имеет косвенное отношение к политике. Но это тоже ничего нам не даст.

Как мы уже отмечали при анализе полемики между Кассирером и Хайдеггером, творческая деятельность Хайдеггера началась с разрыва с немецкой университетской философией. При этом сразу же возник вопрос о *лидерстве* в университете. Это имело далеко идущие последствия: разрыв играл в этом вопросе решающее значение. Всякая связь с объективным познанием была порвана. Но это не политика. В этой связи необходимо еще раз вернуться к сюжету, который так ярко раскрыл Кассирер: выяснение места твор-

чества Хайдеггера невозможно без острой критики всей «Критики практического разума» Канта. Это можно проанализировать на двух уровнях:

а) с одной стороны, Хайдеггер возвращается от Гегеля к Канту, от той проблематики, в которой присутствует мораль (Sittlichkeit), к абстрактной моральности, лишенной содержания, одним словом, к Moralität;

б) с другой стороны, он разрушает специфическим образом «классический» Moralität... Хайдеггер возвращается не только к понятию долга (Sollen), но долга, присущего абстрактной антропологии Хайдеггера, качественно отличающегося от того, что Гегель критикует у Канта. Хотя верно, что по сравнению с последующими работами появляются сомнения относительно анализа долга-бытия в «Бытии и времени». Долг (Sollen) как таковой абсолютно пуст в смысле нравственного содержания: как уже показали, все концентрируется в понятии «решимость» (Entschlossenheit). Пустое общее понятие Entschlossenheit качественно отличается от таких общих понятий спекулятивной антропологии человека, как «разум» и «свобода». Одним словом, такая хайдеггеровская позиция позволяет принять то, что не могло принять рационалистическое неокантианство (Кассирер по этому поводу писал: «Как возможна свобода? Кант говорит, что мы не можем задавать этот вопрос в такой форме. Мы можем понять только непостижимость свободы. Но этому я хотел бы противопоставить саму кантианскую этику: категорический императив должен выступать как закон, чтобы он ничего не стоил не только для людей, но и для всех разумных существ вообще»). Почему? Потому что, в конечном счете, здесь больше нет препятствий, созданных объективным познанием. Рационалистический идеализм охватывает социальные и научные практики, а иррационализм их отрицает.

Поэтому, на наш взгляд, нельзя отождествлять экзистенциальные абстракции «Бытия и времени» с абстракциями, присущими некоторым фашистским политическим лозунгам. Следует предложить более сложное и диалектическое объяснение, что вполне совместимы тоталитарные политические лозунги, проявляющиеся в новой форме капитализма – в форме гитлеровского как специфической формы империалистической стадии, – и философские абстракции «Бытия и времени». Но эти политические лозунги совер-

шенно несовместимы с теоретическими положениями традиционного, рационалистического идеализма. Лёвит утверждает: «Достаточно выйти из полурелигиозной изоляции и применять категорию “подлинной” и всегда специфической экзистенции к каждому и *Долг* (Mussen), который из этого вытекает, к “немецкой специфической экзистенции” и к его исторической судьбе, чтобы вдохнуть в общее движение “немецкой экзистенции” энергичное и лишенное понятия экзистенции движение (решиться, “создавать себя из ничто”; желать собственную судьбу; принимать себя таким, как есть)». Отсюда Лёвит делает вывод, что существует прямая связь между хайдеггеровскими экзистенциальными категориями и фашистскими политическими лозунгами. Но приведенных им аргументов явно недостаточно. Лозунги, которые обосновывают эту политическую практику, не являются причиной появления специфических экзистенциальных абстракций. Поэтому некорректно утверждать, что благодаря политическим лозунгам «формальный контур экзистенциальных категорий получает определенное содержание». Надо понять, как Хайдеггер совершает разрыв с традиционными формами идеализма. Этот разрыв диалектически связан с существенными изменениями, которые претерпел на данной стадии своего развития капиталистический способ производства. Поэтому связь между философской мыслью Хайдеггера и нацизмом не может быть буквально обнаружена в политических лозунгах нацизма и в философиях Хайдеггера.

В таком случае необходимо понять конкретную природу отношений между философскими идеями, политическими лозунгами и публичной жизнью. Следует иметь в виду, что две последние (политика и публичная жизнь) не являются производными от философских рассуждений и наоборот. Это было бы слишком упрощенным взглядом на проблему. Абстракция может проявляться в конкретном историческом содержании, а затем исчезнуть, так как она в силу своей абстрактности не связана с этим определенным содержанием. Но отсутствие связи с единичным вовсе не значит, что абстракция полностью не порвала со всем прошлым, одним словом, что она не является *одним* из проявлений философской идеологии эпохи империализма. В сущности, как сам Хайдеггер об этом заявил открыто – ведь он никогда не отличался самокритич-

ностью, – его философия утверждает правду того, что проявилось исторически под чертами гитлеровского фашизма, почти как *«правда фашизма»*. Давайте будем брать за ориентир его короткую фразу, которую мы находим в лекции 1936 г., опубликованной в 1952 г.: *«...то, что существует сегодня как философия национал-социализма, и то, что ничего общего не имеет с внутренней правдой и с величием этого движения (то есть со встречей, соответствием между планетарной техникой и современным человеком)...»*

Ректорство

Прежде чем коснуться политических воззрений Хайдеггера периода ректорства, необходимо сказать, что некоторые факты относительно политических позиций Хайдеггера не соответствовали действительности.

Госпожа Т. Кассирер, говоря о Хайдеггере, писала в 1950 году: *«Его склонность к антисемитизму нам была известна»*. Несколько туманная фраза. Т. Кассирер не смогла представить точных и однозначных обвинений в расизме и антисемитизме. Но тем не менее, опираясь на это свидетельство, был сделан вывод, что Хайдеггер лично запретил своему учителю Гуссерлю доступ в библиотеку университета. Это утверждение опроверг сам Хайдеггер. Существование этого факта не подтверждено документально, поскольку документа, подписанного рукой Хайдеггера, свидетельствующего об этом запрете, не существовало. Так же нет никаких доказательств того, что Хайдеггер якобы ходил в фашистской форме или приветствовал в своих лекциях нападение нацистов на Советскую Россию. В общем, можно сказать, что Хайдеггер в этом смысле никогда не был в ряду наиболее ярых приверженцев нацизма. Но если акцентировать внимание только на этом, то значит серьезно недооценивать специфическую природу нацистского государства. Эти аргументы важны, но они не касаются главного.

Давайте обратимся к пресловутому ректорству. Гитлер и нацистская партия находятся у власти с 30 января 1933. На выборах в Рейхстаг 5 марта нацисты в коалиции с националистами одержали убедительную победу, получив 340 мест из 647. По этому поводу Франсуа Феды пишет: *«Можно сказать, что с апреля 1933 положение стало необратимым»*. Однако нужно заметить, что все властные полномочия будут сосредоточены в руках Гитлера только по-

сле смерти пятого президента Гинденбурга (19 августа 1934). Ректором Фрейбургского университета был член социал-демократической партии, профессор фон Мёллендорф, который преподавал биологию и медицину. Он подал в отставку и обратился к Хайдеггеру как к известному ученому с просьбой выдвинуть свою кандидатуру на пост ректора. Хайдеггер, который до этого не занимал никаких административных должностей, колебался. Но поскольку весь ученый совет обратился к нему с аналогичной просьбой, то в конечном счете он выставил свою кандидатуру на выборах ректора. Он был избран ректором при одном воздержавшемся 21 апреля. О его избрании было официально сообщено 22 апреля в газете «Breisgauer Zeitung» под заголовком: «Профессор Хайдеггер – ректор Фрейбургского университета». Но его ректорство было недолгим: оно продолжалось около десяти месяцев. И как раз здесь необходимы некоторые пояснения. В мае 1933 года Хайдеггер, действительно, вступает в нацистскую партию. Чтобы понять, в каких условиях он вступил в партию, давайте обратимся к реалиям того времени. По свидетельствам французских биографов, его вынудили вступить в партию: «В “новой” Германии получение ответственного поста сопровождалось почти автоматической записью в национал-социалистскую партию. Партийные функционеры давали ему понять, что членство в партии может существенно облегчить взаимоотношения с министерством. Хайдеггер вступает в партию, но при одном условии: не присутствовать на партийных собраниях и не принимать никакого участия в ее деятельности».

В течение этих нескольких месяцев Хайдеггер не будет, конечно, «рядовым фашистом», но он также не будет довольствоваться простым выполнением своих ректорских функций. Он начинает активно вмешиваться в политику, касающуюся университетов. Более того, он публично высказывается по поводу такого важного политического события, как референдум, организованный Гитлером с целью выхода из Лиги Наций (SDN).

Итогом общественной деятельности Хайдеггера этого периода является сборник «Речи и призывы»... Конечно, не все тексты имеют одинаковое значение... Но можно сделать два замечания:

а) Позитив. Абстрактные категории немеханически наполняются определенным политическим содержанием. В этом смысле можно говорить об *онтологии фашистской политической практики*.

б) Негатив. Можно сказать, что любая категория диалектического и исторического материализма, отражающая историческую реальность, бесполезна, если она не связана с этой действительностью.

Почему можно говорить об онтологии фашистской политической практики (именно о политической практике, а не о различных идеологических речах, которые ее сопровождали и маскировали)? Потому что различные категории «Бытия и времени» имеют такое содержание, которое является ничем другим, как политической практикой своего времени, практикой, которую они одновременно и оправдывают, и обосновывают. Вот одна из формулировок, свидетельствующая об этом: «Национал-социалистская революция является не просто взятием уже существующей власти в государстве другой партией. Эта революция совершает *полный переворот в нашем немецком бытии*» (Лейпциг, 11 ноября 1933). Одним словом, абстракциям, извлеченным с помощью анализа бытия (*Dasein*), точнее, всем абстракциям, связанным с обоими возможными положениями *Dasein* – аутентичность и неаутентичность, – будет соответствовать политическое содержание того, что считают «революцией» под руководством Фюрера. Я вовсе не хочу сказать, что одно с другим обязательно связано. Я просто констатирую, что эти абстракции наполняются конкретным политическим содержанием и предстают как действенное онто-теологическое оправдание: национал-социалистская «революция» якобы представляет собой путь к аутентичному *Dasein*, выступая в качестве посредника перехода от *Dasein* к *Volk* (народу), который для этого необязательно должен быть расово однородным, и к *Füher*, который олицетворяет и объединяет этот *Volk*. Тесная взаимосвязь понятий *Dasein* и *Volk* хорошо видна в тексте по поводу референдума о Лиге Наций: «Мы не отклоняемся от сообщества народов, напротив: наш народ, совершая этот шаг, *руководствуется основным законом человеческого бытия*, согласно которому каждый народ прежде всего должен научиться подчинять себя этому закону, если он хочет оставаться народом». То же самое можно было бы показать по-другому: как различные категории, присущие *Dasein*, используются для принятия «решения» *Volk* и тем, кто его сплачивает и объединяет, то есть *Füher*: подлинная сущность, решимость, выбор, долг, мужество, воля.

Для полного подтверждения нашего тезиса приведем еще несколько примеров (опять из высказываний Хайдеггера по поводу

Лиги Наций): «Это голосование никоим образом нельзя сравнить с предыдущими голосованиями. Его уникальный характер заключается в величественной простоте судьбоносного *выбора*, который совершается сейчас. Но непоколебимость простого и окончательного не терпит ни сомнений, ни сдержанности. *Это последнее решение простирается до крайней границы существования народа*. «Что это за граница? Она заключается в *первоначальном требовании любого существования*, проявляющегося в сохранении и спасении своей сущности (*dass es eigenes Wesen erhalte*). Через это устанавливается граница между требованиями, которые может поддержать народ, и теми требованиями, которые он не признает. В силу этого основного закона чести народ охраняет свое достоинство и выбор своей сущности (*Entschiedenheit seines Wesens*)». Нет необходимости дальше приводить тексты, имеющие тот же смысл.

Далее. Истина Volk – это воля Führer (следовательно, подлинный Dasein = Führer, если даже допустить небольшую оговорку: «прежде всего и во все времена ведущие сами являются ведомыми (*die Führer selbst Geführte sind*)»). Но «Фюрер сам и только он один *есть* настоящая и будущая немецкая реальность и ее закон». Но вновь вернемся к Volk: его фундаментальной чертой не является *völkisch*, то есть однородность (в «расистском» смысле слова). У Хайдеггера он, то есть народ, имеет все признаки тоталитарного фашистского государства (*totaler Staat fasciste*). В сущности, «весь народ» – это все тоталитарное государство: «Не существует внешней и внутренней политики. А есть только единая воля предоставить свое тотальное существование государству». Эта хайдеггеровская теоретическая схема очень проста: легко перейти от самых конкретных решений Führer к таким философским абстракциям, как *Entschluss* (решимость) и *Entscheidung* (решиться). Даже если такая связь не очевидна.

Зато эти философские категории уходят от любого анализа социальной реальности: от классов, классовой борьбы, социальных антагонизмов. Я не говорю, что они действительны и обоснованны только для обслуживания антикоммунистической нацистской идеологии. Но их специфическая абстрактность, очень отличная от абстрактности категорий великой немецкой идеалистической философии, наполняется такими идеологическими представлениями, единственной функцией которых является борьба с марксизмом:

абстракции Dasein в контексте Volk соответствуют абстракции «рабочий», «труд», «штаты» (*Stände* в смысле «корпорации»). Приведу цитаты из Хайдеггера: «Так называемый “умственный труд” не представляет собой высокую интеллектуальную сферу, но он необходим как таковой в человеческой экзистенции».

«Существует только один немецкий “жизненный класс” (*Lebensstand*) – это рабочий класс (*Arbeiterstand*), укорененный в жизненных основаниях нашего народа, *свободно работающий на благо государства!!!* Его чаяния и стремления представлены Рабочей национал-социалистской немецкой партией».

Есть ли необходимость в комментариях? Следующая цитата еще яснее выражает позиции Хайдеггера: «Знания и владение этими знаниями в том смысле, который национал-социализм вкладывает в это слово, не разделяет общество на классы, но, напротив, объединяет и связывает членов родины и штатов (= корпорации) в единственную и великую волю государства».

«Таким образом, слова “знания” и “наука”, “рабочий” и “труд” получили другой смысл и новое звучание. “Рабочего” как эксплуатируемого класса в марксистском смысле нет. Рабочее сословие (*Der Arbeiterstand*) не является классом обездоленных и эксплуатируемых (*die Klasse der Enterbten*), которые берут на себя ответственность за всеобщую классовую борьбу». Кто скажет лучше?

Эти цитаты нужно было привести, потому что интерпретация «истории» Хайдеггером, того, что он называет «Новым временем», вращается вокруг единственного понятия *der arbeiter* (рабочий) как облика «планетарной техники».

Ректорство закончилось довольно быстро, и Хайдеггер выходит из национал-социалистской партии. Он подал в отставку в феврале 1934 года, отказавшись утвердить решение фашистской партии об увольнении двух деканов, придерживавшихся явно антинацистских взглядов – профессора фон Мёллендорфа и профессора Вольфа. Последний преподавал право, и его оппонентом был нацистский юрист Карл Шмитт. Показательно, что преемник Хайдеггера был назначен, а не избран, и Хайдеггер не присутствовал при его назначении.

Хайдеггер ушел из публичной жизни, но никогда не демонстрировал своей *активной* оппозиции фашистскому режиму как таковому. Он продолжал читать свои лекции без особых проблем, хотя говорят, что за проведением некоторых лекций следили. Вер-

но, что он неоднократно критиковал псевдобиологизм, который был поддержан некоторыми идеологами нацизма и наиболее ярко выражен еще у Ницше. Поэтому он столкнулся с некоторыми трудностями при публикации своих работ. Ультранацисты Бомлер и Крикк старательно и яростно его критиковали. Но, несмотря на некоторые свидетельства о том, что он не скупился на критику фашизма в узком кругу, в открытую оппозицию политике гитлеровского фашизма он не вставал. Нельзя также сказать, что он преследовался режимом. Самое большее, с чем Хайдеггер столкнулся, так это отмена по приказу нацистской партии его семинара по книге Юнгера, который был кем угодно, но не марксистом; в конце войны он «по решению тогдашнего ректора университета и с согласия партии был назван “одним из наименее нужных университетских профессоров”». Вследствие этого он был мобилизован для земляных работ вдоль Рейна. Поэтому было бы преувеличением считать, что *Lehrverbot*, то есть запрет Хайдеггеру преподавать, принятый послевоенными коалиционными властями, «фактически есть решение нацистов, которое просто было утверждено и продлено». Подводя итог, можно сказать, что Хайдеггер больше не участвовал в политике и помалкивал по поводу каких-либо конкретных политических событий.

С тех пор ничего заметного не было в публичной жизни мыслителя, если не считать различные церемонии, куда его приглашали. Больше всего его тронуло то, что в родном городе Месскирх (*Meskirch*) по случаю его семидесятилетия было присуждено ему звание почетного гражданина. В течение зимы 1966–1967 г. Хайдеггер возобновил преподавание в университете; совместно с Е. Финком он стал вести семинар по Гераклиту. По поводу своей восьмидесятой годовщины 26 сентября 1969 он появился на немецком телевидении. Он проводил время в кругу своей семьи и друзей, но к политике больше не обращался ни в своих произведениях, ни в жизни. «Не заниматься политикой»? Это было бы удивительно, если не сказать невозможно, со стороны философа.

Политика и философия в творчестве Хайдеггера

Начнем с того, что Хайдеггер многие идеи заимствовал у Э. Юнгера. Но было бы наивно утверждать, что Хайдеггер просто *переписывает* Юнгера, даже если юнгеровские сюжеты пронизывают

его размышления о «технике», о «рабочем», о «нигилизме». Кроме того, нельзя переоценивать цельность творчества Хайдеггера. Нужно только видеть, как он включает в свои философские размышления события эпохи: Вторую мировую войну, создание атомной бомбы, начало научной и технической революции, даже искусственный спутник и кибернетику. Это свойственно его рассуждению: событие может быть только иллюстрацией «сущности» нового эпохи.

Проблемы, которые рассматриваются Хайдеггером, – *общий* анализ мировой истории и эпохи, *резко* противопоставляемый марксистской теории. Так сказать, *онтология «индустриального общества»* и *«общества потребления»*. Появляются ли эти темы в творчестве Хайдеггера после 1938 года? Конечно, Хайдеггер больше не повторяет того, что говорил во времена своего ректорства. Но его позиция по отношению к марксизму, хотя и немного изменилась под давлением известных событий, по своей сути осталась той же: марксизм, с его точки зрения, является только этапом в окончании «новой эпохи», эпохи «планетарной техники». С его точки зрения, Маркс принадлежит абсолютной метафизике. «Абсолютная метафизика с изменениями, которые Маркс в нее внес, и Ницше принадлежат истории бытия». Одним словом, Хайдеггер использует некоторые темы «Экономическо-философских рукописей 1844 года» Маркса в рамках онтологической проблематики. Различия в «индустриальных обществах» оказываются незначительными, несущественными и нерешающими. В сущности, Маркс – это метафизика рабочего: тема речей времен ректорства не оставлена. «Рабочий» как универсальный персонаж проявляется в «Dasein» в эпоху планетарной техники. Эти идеи очень ясно звучат в его заметках 1936–1946 гг.: «Человек, ставший “разумным животным”, обречен блуждать по пустыне опустошенной земли, ибо труд (ср.: Э. Юнгер: *Der Arbeiter* [рабочий], 1932) достигает сегодня метафизического ранга, этой безусловной объективизации всех настоящих вещей, которая развертывает свое бытие в желании воли».

Одним словом, здесь можно заметить нечто вроде раскаяния. Видна какая-то критика «Füerer». «Füerer» есть только форма завершения метафизики: «Моральное возмущение тех, кто еще не знает то, что часто поворачивается против воли и претензий на господство “вождей” (Füerer), представляет собой наиболее роковую фор-

му их оценки. Современные вожди раздражительны. Так как они не способны на решительные действия, они могут подавлять только скандалы, причиной которых сами же являются. Думают, что вожди в своей слепой ярости из-за исключительного эгоизма присвоили себе все права и все отрегулировали по своему усмотрению. *В действительности же они воспроизводят необходимые последствия, поскольку бытие прошло в блужданиях, там, где простирается пустота, требующая порядка и безопасности для бытия*. Теперь становится ясен смысл «короткой фразы» из «Введения в метафизику» Хайдеггера: гитлеровский фашизм есть обязательный, но ошибочный ответ на господство планетарной техники.

Таким образом, речь не идет о либеральной буржуазной критике фашизма. Всего-навсего Хайдеггер признает свою ошибку вступления в фашистскую партию, объясняя это вступление возможностью избавиться от «метафизики», хотя еще больше углубился в нее. Следовательно, нет никакой критической теории нацизма: в *философии* Хайдеггера нет ничего такого, что позволило бы качественно отличить политическую форму фашизма от других политических форм, *даже от буржуазной демократии!* Вытекающая отсюда политика очень проста: ожидать, предаваться отвлеченным размышлениям о «другом начале» и, ожидая, терпеть сущность планетарной техники. Эта (не) политика есть *современное* политическое место Хайдеггера.